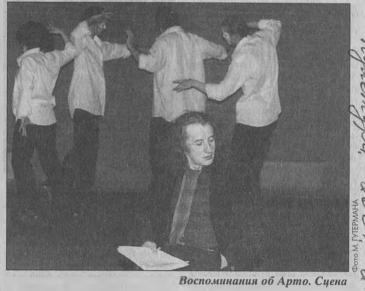
Судьба распятого

Вечер памяти Антонена Арто в Творческом центре имени Вс.Мейерхольда

Этим своеобразным вечером Центр Мейерхольда совершил не сколько "открытий". Во-первых Во-первых, стартовала его экспериментальная программа в рамках III Всемирной театральной олимпиады. Во-вторых, он же явился презентацией-заявкой будущего многопрофильного проекта самого центра под названием "Исследование жизни и творче-ства Антонена Арто", рассчитанного на полтора сезона. И, наконец, мягко намекнул на возможные эмоциональные перемены в творчестве Валерия Фокина, который обещал начать в новых стенах "новую жизнь". В частности, увиденное действо было щедро сдобрено самоиронией и даже проблесками легкого стеба, несмотря на трагическую мрачность сюжета – судьбы самого Арто.

Вот уж где, казалось бы, можно было разгуляться всяческим "пляскам смерти": тут тебе и душевная болезнь, и психиатрическая клини-ка, и наркотики, и "театр жестокости". На серой кирпичной стене зрительного зала мелькали старые черно-белые кинокадры весьма впечатляющий лик самого Арто на исходе жизненного пути, лица актеров, с ним работавших. Под этот немой аккомпанемент нам вознамерились поначалу прочитать лекцию о жизни и творчестве" Арто устами Валерия Семеновского и с комментариями В.Фокина и Владимира Клименко, более известного как Клим, - все трое разместились за длинным столом прямо перед публикой. Публика в связи с этим едва ли не приуныла – не на то рассчитывали, хотя "лекция" Семеновского звучала, скорее, как замечатель ный актерский монолог

Но вот наконец-то нам дали послушать в записи голос самого Арто, который своими странными модуляциями и резкими перепадами интонаций диссонансом вклинился в размеренное повествование. Тутто все и началось. Этот голос "запо залу, метался' одновременно звуча отовсюду (вот вам и демонстрация технических возможностей нового центра), все затянуло дымом, а Фокин с Семеновским вместе со столом вдруг плавно начали опускаться куда-то в сцениче-ские недра. Клим же, наоборот, воспарил на своем стульчике довольно высоко и обрел там чашечку кофе с сигаретой, что по-цирковому были спущены на подносе откуда-то с колосников.

И тут же из каких-то проемов явился квартет актеров с набеленными лицами и под громко "урезанную" музыку закружился в восточном ритуальном танце. И сразу же отозвалось в памяти первое, что было в свое время "выучено" об Арто: "театр жестокости" — это не реки крови и стоны боли, а волевая польтка резко и возможно даже грубо "выбить" зрителя из спокойного состояния наблюдателя, погрузить в некий мистический транс. И действовать не словом, а физическими и пластическими образами.

Так и было. Вверху, на узком помосте, возникла фигура самого Арто в исполнении Виктора Гвоздиц кого - он то подхватывал монолог своего прототипа уже по-русски, то молча курил, нахлобучив черную шляпу. А сзади в тот же момент вышагивали какие-то ,"приговоренные" с мешками на головах. А слева отчаянно билась о металлический бортик обнаженная женщина-"кукла" B рыжих бликах живого огня. Клим, прихлебывая кофе и затягиваясь сигареткой, своим неистребимым малороссийским говорком читал что-то из воспоминаний Барро. К нему на трапеции слетала женщиналилипутка, чтобы, ударив ложкой по голове, проиллюстрировать оче редной читаемый пассаж. Ее коллега маленького роста отчаянно наяривал на ударных в ярко мелькающих огоньках. И продолжались ритуальные пляски с участием красно-

го дракона. А пока продолжалась пластическая "битва с драконом", Арто — Гвоздицкий вдруг завис над сценой, подобно марионетке, продолжая говорить. И медленно опустился одновременно с поднявшимся столом и организаторами вечера. Резко, но легко выйдя из образа, попросил Фокина освободить его от пут. И присел к общему столу. Все мирно вернулось на круги своя. Даже аллодировать долго нам не позволили – это не более чем проект, "вечер памяти".

Намити .

Но мы все-таки успели побывать там, куда звал Арто. Пусть не слишком всерьез, с известной долей "остранения". Но все же...

Ирина АЛПАТОВА